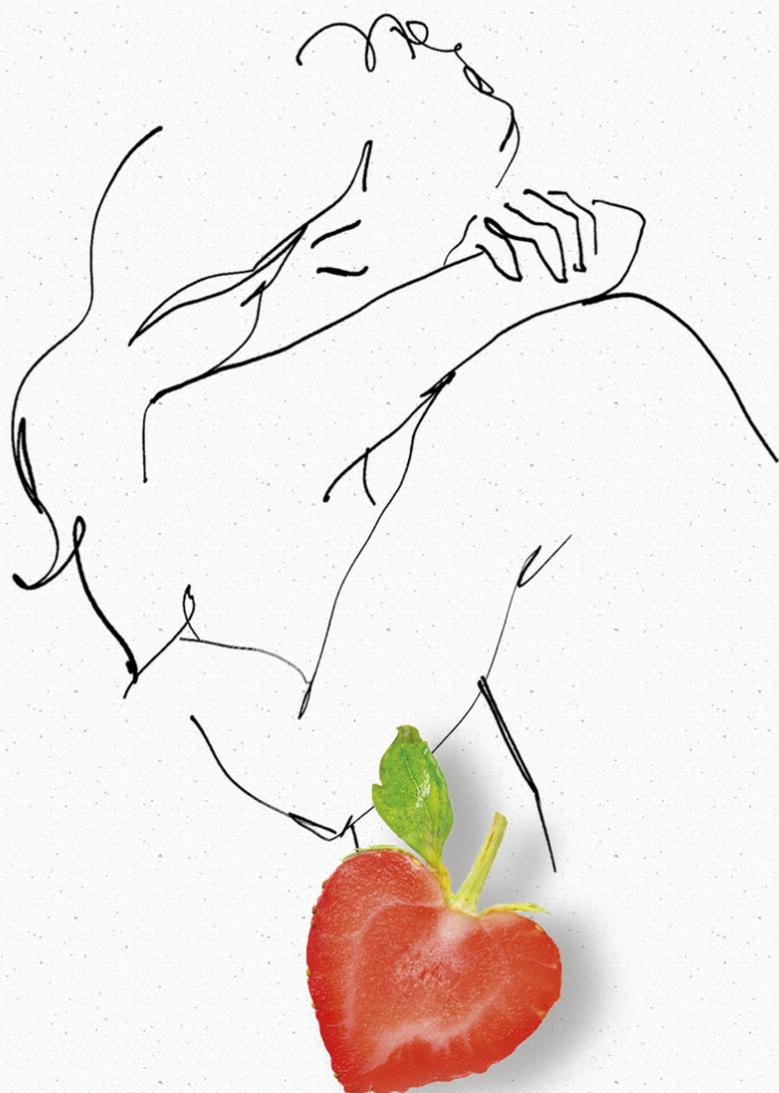

ЕКАТЕРИНА МАКАРОВА

Глубока научный секс

18+

МИФЫ И СТЕРЕОТИПЫ

Медик.ру

Екатерина Макарова

**Глубоко научный секс:
мифы и стереотипы**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 613.88
ББК 57.01

Макарова Е.

Глубоко научный секс: мифы и стереотипы / Е. Макарова —
«Издательство АСТ», 2020 — (Медик.ру)

ISBN 978-5-17-118729-3

Мы верим, что люди каждые 20 минут думают о сексе, что мужчины по натуре своей полигамны, а сантиметры и минуты имеют главное значение для удачного секса. Стереотипы затуманивают наш разум и мешают по-настоящему наслаждаться интимной близостью, строить здоровые отношения и быть счастливыми. Эта книга разоблачает 10 вредных мифов про секс и отношения, с которыми сталкивались все мужчины и женщины. Вместе с доктором-сексологом вы узнаете историю человеческой сексуальности, изучите работу половых органов, и поймете, почему секс начинается задолго до постели и почему оргазм далеко не самое главное в нем. Избавьтесь от навязанных стереотипов и получите взамен качественную интимную жизнь и счастливые отношения!

УДК 613.88

ББК 57.01

ISBN 978-5-17-118729-3

© Макарова Е., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть 1	6
Миф первый. Основной инстинкт правит миром	6
Как это было...	8
Эпоха общественной сексуальности	11
Семейная концепция сексуальности	15
Эффект Кулиджа	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Макарова

Глубоко научный секс: мифы и стереотипы

Иллюстрации для этой книги создала Ирина Филатова – *художница* и арт-терапевт, является членом Международного Художественного Фонда и Творческого союза профессиональных художников. Работы Ирины регулярно выставляются в России и за рубежом, а ее картины и рисунки находятся в частных коллекциях Финляндии, Франции, Израиля, Америки.

© Макарова Е., текст

© Филатова И., ил.

© ООО «Издательство АСТ»

Часть 1

Мифы о сексе

Миф первый. Основной инстинкт правит миром

Друзья мои! В этой главе я зову вас в удивительное путешествие, в котором мы поищем авторов идеи о том, что все в этом мире либо зависит от секса, либо им мотивировано, либо к нему ведет, и вообще человек думает о сексе каждые 20 минут (или секунд?). Какие еще нужны доказательства великого значения сексуальности?

Еще до того, как Зигмунд Фрейд оформил свои идеи о половом влечении в некую связную теорию, интеллектуальное сообщество Европы XIX века уже искало различные оправдания интереса к седьмой заповеди («Не прелюбы сотвори») и ее нарушениям.

Посудите сами.

Артур Шопенгауэр в первой трети XIX века писал, что это «неодолимая страсть, побеждающая голос разума, которая вводит нас в губительный обман». Он называл любовь незримой волей, половым инстинктом. Как он был слеп тогда в своей обиде на любовные отношения, в которых ему, мнительному от природы, сложно было быть успешным. Разве можно всю богатую феноменологию любви сводить только к половому инстинкту? Но Артур так и делал...

Фридрих Ницше, ровесник Фрейда (вторая треть XIX века), который разрывался между инцестуозным влечением к родной сестре и философией, писал, что «мы любим собственное вождление, а не предмет его».

Л. Н. Толстой в тот же период вел образ жизни, свойственный его классу. Военная служба, путешествие по Европе, необременительные добрачные связи. В этом опыте он впоследствии будет каяться в «Крейцеровой сонате». Потом женился на девушке на шестнадцать лет младше себя, произвел на свет тринадцать детей и множество произведений, в которых осмысляется роль, сила и притягательность полового влечения: «Анна Каренина», «Воскресение», «Крейцера соната», «Дьявол», «Отец Сергей». Если взглянуть на эти произведения свежим взглядом и задаться вопросом, что их объединяет, то можно с удивлением обнаружить, что автору не дает покоя неразрешимый вопрос: можно ли справиться с половым инстинктом

так, чтобы одновременно быть удовлетворенным в нем и быть свободным от него? Любить и не противоречить законам Бога и людей?

Седьмая заповедь вообще самая проблемная во всей христианской этике. Ведь если «не убий», «не укради» означает, что, убивая и воруя, ты попадаешь под суд Божий и гражданский, то прелюбодеяние гражданским судом не судится. Да и нет у человека базовой потребности убивать и воровать. И нормальные люди живут, даже не помышляя об убийстве или воровстве. Во всех культурах это особые случаи, кара за которые настигает уже при жизни. А чтобы «не прелюбы сотворить», нужно постоянно бороться с врожденной потребностью.

Нельзя блудить (иметь половые сношения до брака), прелюбодействовать (в браке) и даже нельзя иметь соответствующих намерений в сердце своем. Нельзя-то нельзя, но если очень хочется, то ведь можно? И весь опыт человеческой истории показывает, что к «половым грехам» закон не так суров, как к остальным.

Вот это противоречие и волновало умы. Посмотришь на всех этих деятелей, мыслителей, философов, публицистов: патлатые головы, роскошные бакенбарды, седые кудлатые неопрятные бороды по моде тех лет. Строгие костюмы, бабочки, жилеты, трости, перчатки. Ученые степени, научные труды, преподавательская стезя. И каждый увлечен разгадкой только одной тайны: можно ли что-то сделать, чтобы и желание утолить, и жить после этого достойно?

Если бы Фрейд жил сегодня и взялся за тему основного инстинкта, то его выбор можно было бы охарактеризовать как внимание к трендовой высокочастотной теме. Иными словами, он ухватился за то, что в XIX веке было интересно всем, но никто не отваживался об этом говорить вслух и уж тем более превращать в объект исследования.

Молодой Зигмунд применил академический подход и изучил предмет со всей серьезностью. Мы должны быть благодарны ученому за то, что он «разрешил» всему миру думать о сексе, не испытывая угрызений совести, любить сам процесс и обсуждать сексуальные вопросы в беседе друг с другом и лечащим врачом.

Потенциал инноваций Фрейда был очень глубоким. С позиций сознательного и бессознательного и главенствующей роли либидо можно было объяснить все: религию, политику, философию, коммерцию, психиатрию и, естественно, литературу и искусство.

Выражаясь языком философии науки, у теории Фрейда было много слабых мест, и одно из них – отсутствие фальсифицируемости. Прежде чем доказать, что знание истинно и научно, необходимо попытаться его научно опровергнуть. Предложить какую-то теорию, которая попыталась бы в научной схватке сразиться с фрейдистской и проиграть. Или победить – нас бы устроило и то, и другое. Мы бы убедились, что Фрейд прав, или свет увидел бы новую блестящую теорию о мироустройстве.

Но это-то и невозможно. Стоит сколько-нибудь серьезному ученому посягнуть на постулаты психоанализа или замахнуться на критику, как обязательно у любого, самого заштатного психоаналитика возникнет мысль: «Да у этого критика проблемы, посмотрите, он пытается разрешить какой-то запрос или комплекс!» И он будет прав! Любой специалист и даже обыватель, который научно-исследовательски прикоснулся к вопросам сексологии – от Фрейда до сексолога-консультанта – имеет личную причину интересоваться этой темой. Но учение Фрейда так до сих пор и не опровергнуто.

Масла в огонь подлил Абрахам Маслоу со своей иерархией ценностей. Он высказал гипотезу, что пока не удовлетворены витальные потребности (в крыше над головой, сне, еде, сексе и т. д.), человек не может сосредоточиться на решении задач более высокого порядка (учеба, творчество, принятие решений). Откуда Маслоу взял такое ранжирование?

Уже во время публикаций его сильно критиковали и отрицали универсальность его пирамиды, да он и сам не претендовал на безоговорочную истину. Но убеждение в том, что все житейские проблемы и неурядицы, сложные переплетения причинно-следственных связей и хитросплетения любовных отношений и конфликтов можно объяснить через основной

инстинкт, осталось. Дескать, о чем-либо возвышенном думать невозможно, потому что все время в подтексте идет неутоленное желание поесть, или поспать, или сексуально разрядиться.

Это был очень удачный маркетинговый ход. Ведь секс-толкование всего на свете через основной инстинкт устраивало популистов, журналистов, кинематографистов и даже историков. Это напоминает идеи феминизма, гендерной свободы и сквирт-освобождения от женской нехочухи. Идеи-то – пшик. Но как их покупают!

Так рекламный рынок решил судьбу основного инстинкта. Сексу – быть! И вот уже на всех плакатах машины, виллы и яхты изображены рядом с длинноногими красавицами (по зову инстинкта), а все президенты, руководители крупных корпораций и генералы – женатые и с тремя детьми (обуздали инстинкт и придали ему оттенок законности).

Любезные мои читатели! Всех вас, как моих детей и студентов, я призываю думать, критически осмысливать действительность, ставить под сомнение штампы и ни в коем случае не довольствоваться мнением «одного эксперта». Раскапывать в пыли и нафталине библиотек первоисточники и оценивать факты самостоятельно.

Добро пожаловать в расследование, в котором мы проследим историю значения основного инстинкта в жизни людей.

Как это было...

Как вообще проводятся расследования? Я редко читаю детективы, и уж тем более никогда не была их автором. Но как я писала в предыдущих моих книгах, часто чувствую себя Шерлоком Холмсом во время консультирования, когда докапываюсь до истинной причины проблем пациентов.

Как это делается? Сначала я выслушиваю версию пациента и воспринимаю ее как упакованный вариант его проблемы. Затем задаю себе вопросы: «Почему он ТАК говорит? Что он хочет на самом деле?» Факторы, которые позволяют мне подозревать второе дно и скрытые смыслы, – это разночтение или противоречие формулировок с истинными потребностями человека.

Например, пациент говорит, что у него болит головка полового члена, и я спрашиваю: «Почему?»

Когда он отвечает, что год назад он перенес операцию по пластике уздечки, и шов не зажил, то я понимаю, что это противоречит срокам заживления раны. Поэтому я подвергаю сомнению его версию и снова спрашиваю: «Почему?»

Тогда он мне отвечает, что до операции у него была коротковатая уздечка, и как следствие, головка полового члена тщательно запеленута в кармашек крайней плоти, поэтому была изолирована от трения о белье или руки и обладала чрезвычайной чувствительностью. Его половой акт был слишком коротким, всего от 2 до 5 минут, в зависимости от продолжительности предыдущего воздержания, и он решил сделать что-то, чтобы его продлить. И я снова спрашиваю: «Почему?»

Тогда он признается, что девушка, с которой он был в отношениях год назад, не получала удовлетворения от секса. Поэтому он решил отрезать что-нибудь на члене, чтобы укрепить свои мужественные качества.

Девушка с проблемами удовлетворенности давно исчезла из его жизни. Но чувство сексуальной некомпетентности, сомнения, что его способностей достаточно для полноценного удовлетворения женщины, превратилось у парня в соматическое расстройство. И он стал испытывать нечто вроде фантомных болей при нормальном половом акте. Теперь эти боли напоминают ему, что он недостоин полноценно наслаждаться жизнью, потому что его член не способен «оживить» девушку. И каждый раз, когда он, следуя влечению, пытается реализовать свою сексуальность в половом акте, он слышит только свои боли и страдает.

Итак, в результате моего «расследования» я узнаю, что проблемы пациента имеют две причины, а преступление против собственной личности – два мотива. Во-первых, это чувство сексуальной неполноценности: его тело слишком уродливо и несовершенно, чтобы в полную силу участвовать в интимной жизни. А во-вторых, это неправильное представление о норме, основанное на дремучем заблуждении, что женская сексуальность – это деревянный сундучок с хитрым замочком, который открывается, только если вставить в него «правильный» член.

Точность моей диагностики и правильность версии – залог адекватной помощи пациенту. Ведь мы не можем ликвидировать симптомы болезни, но способны игнорировать причину. Не можем дать больному гонорей но-шпу для облегчения симптомов мочеиспускания.

«У вас глаза выкатываются из орбит, когда вы писаете? Так и идите к окулисту! Пусть вернет их в орбиты».

Может, гораздо правильнее поискать причину резей? Пролечить гонорейный уретрит?

У вас навязчивая идея, что если девушка не возбуждается, то с вашим членом что-то не так? Но мы не можем ампутировать вам член, чтобы девушке полегчало. Надо сначала попробовать сделать что-то с ее чувственностью и вашим представлением о партнерском взаимодействии в сексе, а уж потом ложиться под нож.

Вот так мы с вами и будем исследовать общественные мифы о сексуальности.

Всеми любима версия о том, что «основной инстинкт» – это половое влечение. Не выживание, не безопасность, а именно половое влечение. Но любой студент первого курса медицинского университета вам скажет, что основной инстинкт – это инстинкт сохранения рода. Под сохранением можно понимать обеспечение безопасности, бегство от врага, борьбу с врагом, выживание. И это объяснимо! В экстремальных условиях (война, погоня, катастрофа) люди бегут от смерти, борются за жизнь и стремятся к безопасности. Человек с инфарктом миокарда

или переломанными ногами не инициирует половую близость, ибо его ресурсы направлены на сохранение энергии и восстановление сил.

Но как только начинается романтический фильм или любовно-авантюрный роман, как основной инстинкт превращается в сексуальный, и никто не возражает против такого подлога.

Многие считают, что во всем виновата религия. Она задурила людям мозги и заставила гасить в себе сексуальные импульсы. Заглушенная сексуальность, как шило в мешке, постоянно прорывается наружу и заявляет о себе в жизни. Ведь как писал еще психоаналитик Вильгельм Райх, подавление сексуальных инстинктов лежит в основе массового насилия в истории человечества.

В результате вместо того чтобы думать о родине и о труде, человек носится со своим половым влечением в надежде пристроить его так, чтобы оно не беспокоило. Сдержанные, вытесненные сексуальные устремления просачиваются из всех многообразных проявлений человеческой психики и правят миром.

Так появилась версия, что это религиозные запреты придали половому инстинкту извращенную форму и превратили его в неназываемую силу, исподволь управляющую поведением человека.

А как было до появления заповеди «Не прелюбодействуй»? Обыватель обычно рассуждает так. Это было давно. Был Древний мир, до этого – первобытно-общинный строй, которому предшествовала иерархия в стае обезьян, где альфа-самец на глазах у вожделяющих и завидующих бета-, гамма- и прочих соплеменников наслаждался самками как хотел и сколько хотел. Потом он отвлекался на сон, охоту или отправление естественных надобностей, и все сообщество обделенных наблюдателей устремлялось к соблазнительным самочкам порезвиться, пока «папа» не видит.

Золотое было время. Захотел – получил. И никаких тебе официальных формальностей, лишних разговоров и прочих социальных условностей.

Но если мы всмотримся в эту доисторическую систему отношений, то и в ней увидим некую закономерность: кому, когда и в какой последовательности можно удовлетворять свои половые потребности.

Привлекательность доисторического секса для современного обывателя заключается в заблуждении, что древний человек, не отягощенный нормами морали, был подобен животному и справлял свою половую потребность сразу при возникновении желания, не утруждаясь мыслями о последствиях своего «безответственного» полового поведения.

Всем было хорошо. И все были счастливы. Как животные. Хорошо быть кискою. Хорошо собакою. Хорошо быть первобытным человеком, который не умеет читать и не может освоить все множество гигабайт информации, посвященной венерическим болезням и моральным последствиям незапланированной беременности.

Жили же люди! Предавались любовным утехам на лоне природы, вкушали фрукты и запивали вином, писали любовные вирши и томились любовным желанием. Но пришли вредные церковники и все запретили. И вместо того, чтобы не задумываясь пользоваться своими половыми органами, все стали вынуждены делать вид, что половой потребности не существует. А на самом деле, вытесненная в глубины подсознания, эта потребность исподволь руководит поведением людей.

Вот она, цепочка рассуждений, которая приводит нас к истокам идеи о том, что «половой» инстинкт – это «основной» инстинкт. «Основной», потому что естественный, природный и самый главный!

Так ли это? Был ли действительно золотой век сексуальности, где можно было все, всем и в любое время? Или это всего лишь миф, который возник как сказка на ночь для печальных онанистов?

Миф о золотом веке сексуальности опровергает практика клитеродэктомии и инфibuляции в Африке, где до их пор сохранились поселения, живущие первобытно-общинным строем. В цивилизованных странах эти зверские обряды тоже практикуются, но нас интересуют именно культуры, которые сохранили свою первозданность и дикость. Выскоблить новорожденной девочке костяной палочкой клитор (инцизия) или вырезать его вместе с малыми половыми губами, а потом зашить (инфibuляция) – это слишком далеко от безусловно доступного секса, служащего только одной цели: наслаждению.

Но многие до сих пор верят, что в глубокой древности с сексом было проще.

Что ж, давайте найдем настоящий «основной» инстинкт, а заодно расследуем, на каком месте в иерархии человеческих потребностей на всем протяжении истории человечества стояло половое влечение.

Эпоха общественной сексуальности

Этот период начался еще в дохристианские времена, когда космогонические мифы и многобожие составляли представления первобытного человека о мире. У существования человека, пылинки мироздания, не было иного смысла, кроме участия в сакральных ритуалах.

Древние люди не имели понятия об эмоциональном и эстетическом аспекте принятия пищи, о сексуальном партнерстве, о хобби и поиске предназначения. Сексуальность не обслуживала интимную жизнь, ибо первобытный человек не имел такой жизни.

Смыслом существования первобытного человека было правильно участвовать в ритуалах, а целью – угодить богам или соединиться с потусторонним миром.

Поэтому все, что было дано древнему человеку – служить своей ролевой модели. Юноши проходили посвящение в воины через кровавые или сексуальные акты инициации. Девы становились матерями. Мужчины и женщины обязаны были вступать в брак, объединяющий в себе множество социальных функций.

И то, что еще теолог Рудольф Отто называл «священным ужасом» от встречи с непознаваемым, порождало групповые культы. Гроза – гнев богов – требовала усмирения. При засухе или при непрекращающихся ливнях заговаривали духов и задабривали богов. Подчас в ритуальном служении богам участвовало все селение. В половом акте повторяли, имитировали, прославляли священное соединение земли (женского начала) и неба (мужского начала), чтобы обрести плодородие, долголетие, процветание. Такие ритуалы, как правило, проводили во время обновления природы (весной), когда нужно было угодить богам ради хорошего урожая. Да и чисто практически у такой традиции был смысл. Большинство зачатий совершалось именно в этот период, а роды проходили зимой, когда женщины были не заняты полевыми работами.

Во многих культурах существовали и существуют до сих пор обрядовые групповые половые акты, гомосексуальные акты посвящения отроков в статус взрослых воинов и тому подобное.

Жрецы символизировали верховных божеств и возглавляли обряд: выпрашивая плодородие и изобилие, совершали ритуальные половые акты с храмовыми проститутками или с женщинами, служившими жертвенным целям. В это время миряне вторили им в акте любви. Мужчины, оплодотворяющие женщин в присутствии друг друга, были заняты ответственным делом. Воплощая космогонический миф, совокупляющиеся люди приобщались к священному: прославляли мудрое мироустройство, чувствовали связь с предками и высшими существами, увеличивали плодородие племенных стад и полей. Так стремление к плодородию породило культуру осмысленного секса.

Эта ритуальность, которая сохраняется еще в Центральной Африке и в некоторых деревнях Южной Америки, неприложима к европейской культуре и непонятна нам.

Когда современные антропологи отмечают несколько больший по сравнению с европейским средний размер полового члена у жителей Центральной Африки, они связывают это как раз с ритуальной мастурбацией. Отцы препубертатных мальчиков 7–9 лет учат их мастурбировать, стараясь удержаться от семяизвержения как можно дольше. Можно найти много позитивных последствий такого способа мастурбации. Столь ранний опыт соответствует бурному росту мальчиков в начале подросткового периода, когда ткани эластичны и податливы. И длительные изнуряющие упражнения рукой способствуют вытягиванию тела полового члена в длину. Стремление оттянуть момент эякуляции приучает к самоконтролю, и в дальнейшем взрослые мужчины лучше контролируют длительность полового акта. Привычка регулярно мастурбировать исполняет роль клапана в паровом котле в период гиперсексуальности, когда постоянное желание секса невозможно утолить из-за недостаточной физиологической и социальной зрелости.

Но европейцу перенять этот опыт не представляется возможным. То, что в примитивных культурах служит для ритуала, у европейцев становится интимным. Трудно представить группу европейских мальчиков, которые собрались и по команде взрослого дяденьки-шамана мастурбируют, чтобы вызывать ливень, который спас бы урожай.

Я не хочу сказать, что европейские мальчики не участвуют в групповой мастурбации. Еще как участвуют, если вместе смотрят порнографические фильмы. Но мастурбация остается интимным процессом, в котором каждый из участников сконцентрирован на личных фантазиях и усилиях.

В сакральном мире все не так.

Для всех действуют общие правила, навязанные наставником. Участники групповой мастурбации сосредоточены на смысле обряда. В молитвенном экстазе они умоляют божества смилостивиться и оплодотворить растрескавшуюся в засухе землю так же обильно, как семя юношей, участвующих в ритуале.

Как все это возможно у европейцев?

Поэтому техники удлинения полового акта и вытягивание полового члена не работают у европейцев так, как у африканцев.

В этом простейшем примере видно глубинное, сущностное отличие общественной сексуальности и сегодняшнего индивидуализма, в которой половая жизнь человека становится исключительно его личным делом.

В этом примере также хорошо прослеживается системная социализированность сексуальности. Секс никогда не был животным инстинктом, который можно было бы разнузданно удовлетворить по первому зову плоти. Секс был общественным служением, с помощью которого торжествовала победа над разрушительным действием стихии, люди прикасались к перевозданной тайне мироздания, общались с богами и копили духовный потенциал племени. Мужчина и женщина воплощали божественную пару, и, совокупляясь, служили улучшению мироустройства.

Сексом занимались в определенных условиях, в определенные дни, специально воздерживаясь перед этим и точно соблюдая все правила игры: кто, когда, с кем и зачем.

Никаких личных пристрастий не существовало, а если они и возникали, то не брались в расчет.

Человечество с самой колыбели знало, как подавлять сексуальное желание, управлять репродуктивными функциями и оборачивать сексуальную энергию на пользу своей духовной мощи.

Эксперты в историю, а также антропологию племен, сохранивших первобытный уклад, подтверждают, что секс никогда не был основным инстинктом, а всегда служил благу человека. При условии, что человек знает, что ему во благо.

Традиции сакральной сексуальности сегодня существуют в областях, где сохранился первобытно-общинный строй. Это страны Африки, Южной Америки, острова Океании и Австралии.

У сакрализованной сексуальной жизни были и другие отличительные черты. Это групповой брак, черты которого в той или иной форме сохранились у различных племен, и сопутствующий ему матриархат.

Сегодня ошибочно думают, что матриархат – это отдельный период, когда женщины правили миром, а мужчины выступали на вторых ролях. Это заблуждение, миф, который затрудняет понимание истории современной семьи. Еще Фридрих Энгельс в своей блестящей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» анализирует идею матриархата с точки зрения родового строя. Именно по женской линии сохранялся род, а идея отцовства имела второстепенное значение.

Недостаток пищи вынуждал жестко контролировать рождаемость с помощью инфантицида, который регламентировался через детские жертвоприношения. Групповой брак в виде сожителства нескольких мужчин с одной женщиной также отвечал идее контрацепции.

Клитеридэктомия – вырезание у девочки кавернозных тел (клитора и малых половых губ), отвечающих за ее возбуждение и удовольствие – соответствовала общественному смыслу сексуальных отношений. Эта кровавая и поистине калечащая девочку операция до сих пор практикуется во многих африканских государствах. Этим обрядом племя подчеркивает, что цель существования женщины – не услаждение плоти, не радость жизни и сексуальное удовлетворение, а высокое служение целям всего племени. Задачи женщины – деторождение, управление хозяйством и мужчинами, передача сакрального знания девочкам, будущим хранительницам очага и носительницам племенной мудрости.

Такая четкая регламентация ролей в первобытном обществе не учитывала личных привязанностей, исключала партнерские отношения и феномен любви. Действительно, сложно представить, как матриархальная женщина справлялась бы со своими обязанностями, если бы ее представление о мире было отягощено темой любви, страданием от недостатка внимания мужа и поиском оргазма. Хорошая жена – это хорошая исполнительница функций, и не более того.

Это мировоззрение сопровождается эмоциональная бедность, неразвитость. Сложные чувства не приживаются в культуре общественной сакральной сексуальности и не отягощают жизнь носителей этой культуры противоречивыми переживаниями. Так, во многих африканских диалектах понятия «любовь» и «печаль» выражаются одним словом.

В общем-то, если мы поразмыслим над силой и глубиной переживания любви и печали, то действительно, найдем много общего: это созерцание своего внутреннего мира, медитативный настрой, глубокая переплавка идей и ценностей в новые смыслы и намерения и т. д.

Но все-таки у нас, носителей индивидуалистической актуальной концепции сексуальности, печаль в сознании связана со знаком «минус», в то время как любовь всегда имеет положительные оттенки.

В первобытном обществе было все не так.

Сексуальность предназначалась для служения культу, и ее проявления были делом общественно значимым, ответственным и обязательным для каждого члена первобытного социума.

Личные переживания индивида во время сексуальных действий, его сомнения в себе, чувства по отношению к партнеру, получаемое удовольствие и удовлетворение не имели значения.

Первобытный человек не переживал глубоко и мучительно чувство разочарования после полового акта, если он не был чем-то феерическим, как он ожидал. Он не размышлял, надо ли ему сегодня заниматься сексом. Он не терзал себя сомнениями, как его воспринимает партнерша, удовлетворен ли он, нормально ли, что половой акт длится только три с половиной минуты, а у партнерши нет вагинального ответа на его действия. Он не подавлял половое влечение.

чение, потому что это якобы постыдно или вредно. И, наконец, ни он, ни она не отказывались от сексуальной активности, потому что это больно, сопровождается дискомфортом или влечет разные последствия.

При отправлении сексуального культа все участники достигали такой степени экзальтации, служащей прелюдией к сексуальному акту, что дальнейшие сексуальные действия были желаемы, неизбежны и заразительно необходимы. Человек сначала готовился с помощью предварительных ритуалов (танцы, пения, повторяющиеся движения, дыхательные упражнения), настраивался на секс (вот-вот это произойдет), и когда наступал сам момент совокупления, его половая доминанта была обострена и доведена до состояния, близкого к трансу. Половой акт был необходим для разрядки напряжения, которое нагнеталось ритуалом. Только участие в культе могло избавить человека от неукротимой жажды совершить то, что должно.

Напряжение молитвенной экзальтации действовало на участников как групповой гипноз и распространялось на всю оргию в виде мощного императива к разрядке.

Никаких личных чувств участники друг к другу не испытывали, что подтверждается использованием специальных масок, раскраски лица, костюмов, нивелирующих значение каждого отдельного человека.

После обряда первобытный носитель сакральной сексуальности испытывал мощное чувство удовлетворения просто потому, что был участником большой молитвы о благополучии всего племени. Именно причастность к общему делу придавала положительную оценку происходящему, а не личные чувства, оргазм или технические успехи.

Даже вообразить невозможно, чтобы кто-то из представителей племени мог пропустить это мероприятие, потому что он не хочет или не находит целесообразными эти нелепые телодвижения. Тем более смешно сопоставлять экзистенциальную потребность приобщиться к сакральному через секс с идеей о том, что сексуальные действия могут быть постыдными. Постыдно и странно в такой культуре уклонение от обрядовой жизни и самоизоляция.

Поэтому мысль о том, что в дикие времена человеку в сексе было можно все, что только взбредет в голову, абсурдна. Всегда, с самых древних времен сексуальная жизнь ограничивалась внешней необходимостью и подчинялась общественным интересам.

Сексуальная жизнь древних была очень близка к сексуальной жизни животных. В животном мире, ведомые инстинктом, зависящем от биоритмов, связанных с продолжительностью светового дня, звери совокупаются вне зависимости от личной потребности ради продолжения рода. Древние люди делали ровно то же самое. Такие культы соотносились с годичным циклом, часто символизировали весеннее обновление годичного цикла, четко предписывали воздержание до и после ритуала и приводили к массовому рождению детей в определенный период года.

Вот сейчас, наконец, прозвучала грандиозная мысль, что животные и первобытные люди, в отличие от современного человека, никогда не занимались сексом ради удовольствия, от скуки или в поиске новых, все более изысканных форм стимуляции. Участие в сексуальном акте было подчинено максимально целесообразному использованию энергии и ресурсов с целью продолжения рода. Все.

Занимается сексом ради удовольствия только современный человек, возвращенный в изобилии и вседозволенности индивидуалистической концепции сексуальности.

Как же сакральная сексуальность, в которой личное удовольствие не было востребовано, не осознавалось и не оформлялось в потребность, преобразовалась в современный вариант, где удовольствие поставлено на свое законное место в системе ценностей?

Историческое колесо повернулось в сторону институциональной, или семейной концепции, хотя в регионах, сохранивших первобытнообщинный строй, до сих пор царит общественная концепция сексуальности.

Семейная концепция сексуальности

Появлению этой концепции соответствует развитие института частной собственности в Древнем мире. Имеется в виду оформление общественных образований, объединенных по принципу совместной деятельности и выполняемых функций для охраны владений семьи. Служители культа формируют институт религии. Служители власти – институт власти. А служители экономических интересов рода, отвечающие за сохранение собственности и передачи ее потомкам этого рода – институт семьи.

Можно приводить в пример сакральные культуры, где был распространен матриархат, где наследование велось по материнской линии, а отец не был известен, общества с гаремами. Но факты социологии говорят нам, что моногамная модель семьи эволюционировала более успешно, и именно поэтому прижилась в обществе и распространилась на все человечество.

Более того, даже те из вас, кто, дочитав книгу до этой страницы, продолжает думать, что в половом влечении человека доминирует нечто животное, детерминированное каким-то инстинктом, неподвластным сознанию и воле человека, что толкает его на поиск изоэротических и беззащитных форм удовлетворения своей похоти, поощряет рассеивание семени, полигамию и попрание семейных ценностей, наконец, согласятся со мной, что никогда и ни при каких обстоятельствах у человека не было столько безопасного, комфортного и достаточного секса, как в семье.

Все еще не верится? Сейчас я вам это докажу.

Предлагаю оценить эти параметры сексуальной жизни: безопасность, комфорт и достаточность по количеству и качеству.

Чтобы далеко не ходить за примерами, вспомним несколько хорошо известных фактов. Помните самку богомола, которая совершает многочасовой половой акт с самцом, после которого пожирает своего партнера? И это в данном случае не потому, что самец выполнил свое биологическое предназначение и с точки зрения здравого смысла его существование больше не оправдано. Нечего зря поедать те ресурсы, которые пойдут на пропитание его потомства. Такое отношение к самцу как к использованному презервативу встречается не только у богомолов, но и у многих других представителей животного мира. И всякий раз это подчеркивает необоснованность идеи о полигамии, когда мужчина должен якобы оплодотворить как можно больше женских особей для видового разнообразия и выживания. У самок высших животных, например, парно- и непарнокопытных плацентарных млекопитающих, во влагалище скапливается такая густая слизь, что выполняет роль пробки, не допускающей новые сношения. Это означает, что такая самка уже выполнила свое биологическое предназначение, оплодотворена и скоро принесет потомство, поэтому она закрыта для доступа дополнительного генетического материала. А неудачливые самцы, которым некуда пристроить свои гаметы, пусть ищут незанятые ниши.

Вот и вся глубокая общественная роль самца. Так почему же самка богомола поедает самца? Кто ей внушил, что самец больше не нужен и его можно уничтожить? Никто. Базовые потребности, и ничего личного. Пока длится многочасовой половой акт, она успевает до такой степени проголодаться, что когда, наконец, освобождается от сексуальной доминанты, то съедает первое, что оказывается в ее поле зрения: голову успешно оплодотворившего ее самца.

Вот и вся любовь. Кстати, обращаюсь к вам, страдальцы пролонгированного коитуса, которые изводят себя различными практиками, чтобы продлить половой акт и затрудняют своих партнерш во время оно. Друзья мои! Нужен ли вам долгий половой акт ценой собственной головы?

Этот факт подчеркивает еще одну сексологическую истину. Не секрет, что именно сомнения в собственной привлекательности, соответствии норме и в удовлетворении партнерши

делают из мужчины импотента. Буквально – чем большим количеством мыслей отягощен мужчина, тем сложнее ему отключиться от внутренней жизни, сконцентрироваться на сексе и получить и доставить сексуальное удовольствие. Голова и содержащийся в ней мозг мешает сексу. А нет головы – нет и препятствий. То есть самый хороший секс – это секс с безмозглым партнером? Да нет, я этого не говорила. Скорее – с гармоничным человеком, у которого сомнения в себе уравновешены здравым смыслом, адекватным восприятием себя и партнерши «здесь и сейчас».

Но задуматься есть над чем.

«А как же хряк, бык-осеменитель и прочие альфы на вершине самцовой иерархии? Почему самая большая обезьяна забирает себе всех самочек?» – спросите меня вы. И будете правы.

Социобиологические примеры, в которых на много самок приходится мало самцов, лишь подтверждают сексуальную целесообразность в живой природе. Вспомним трутней. Самки, пчелки-труженицы приносят все ресурсы, а значит, чем меньше будет нахлебников, тем больше останется труженицам и деткам. Секс снова не противоречит идеи сбережения энергии и ресурсов. Жизнь стаи, стада, организована таким образом, что выживает минимальное количество самцов, необходимых для продолжения рода. Если требуется несколько трутней, значит, будет несколько. Если нужен один хряк, так тому и быть. Остальные просто не доживут до половозрелого возраста.

Ну, с хряком разобрались, можно выдохнуть с облегчением. А то его судьба вызывает зависть у людей, даже у некоторых президентов. Кто-нибудь слышал о так называемом эффекте Кулиджа? И, может быть, знает, как он работает у людей?

Эффект Кулиджа

Есть байка о том, как 30-й президент США посетил одну из коровьих ферм в компании собственной жены. И та недвусмысленно обратила внимание супруга на то, что бык-осеменитель совершает без устали несколько половых актов за один заход. Президент с большим мужеством ответил жене, что бык-осеменитель имеет разных самок. Это подогревает его интерес, создает ощущение, что каждый следующий раз – как первый, и является секретом его неисчерпаемых ресурсов.

Случилось это в истории или нет, нам неизвестно, но мнение президента Кулиджа из этой поучительной басни верное. Действительно, если быку на пике его инстинктивного влечения предоставить только одну самку, то он вырабатывает свои ресурсы очень быстро, утомляясь и теряя интерес к оплодотворению. А вот если коровы меняются, как модели на кастинге, то бык возгорается снова и снова.

Но это связано не с полигамностью быка или самцов в целом, а с механизмом формирования полового влечения. Не будем путать механический ввод полового члена во влагалище с интимным таинством, которое начинается еще в голове участников задолго до самого физического взаимодействия. Таинство это включает подготовку, эмоциональный накал, телесное признание в любви друг другу, основанное на доверии и взаимном кодексе договоренностей о сексуальных правилах. Оно не заканчивается в момент семяизвержения короткой обратной связью: «Ты моя самая лучшая, детка». О нет. Оно содержит в себе всю теплоту и признательность последующих отношений, эмоциональное взаимодействие, эйфорию сексуальных достижений и приятное послевкусие от массажа эрогенных и мысленных любовных рецепторов.

В копилку всех этих «до», «в процессе» и «после» и падают ощущения от эффекта Кулиджа.

Применительно к человеку, который при всем желании не может сравниться с быком, эффект Кулиджа работает как накопительный для полового влечения процесс. Человек акку-

мулирует свое влечение, по крупичкам собирая флирт, ощущение собственной привлекательности и востребованности, никогда, быть может, не реализуемые, но потенциально возможные различные сексуальные сценарии с различными партнерами и т. д.

По существу, эффекту Кулиджа человек подвержен на протяжении всей своей жизни. Его создают все мысли, сновидения, фантазии, идеи о сексе, когда-либо помещавшиеся в голове человека. А учитывая, что человек думает о сексе каждые 20 минут (секунд? Кто меня поправит?), то получается, что эффект Кулиджа подпитывает влечение человека всю его жизнь.

Ну вот, и с быком мы тоже разобрались.

Тогда откуда древние римляне взяли афоризм «*Omne animal post coitum triste est*» («Всякое животное после соития печально»)?

Манипуляции со значением этого выражения, которые появились в эпоху индивидуалистической сексуальности, мы еще рассмотрим на страницах этой книги. Здесь позвольте привести всю пословицу целиком: «*Omne animal post coitum triste preter milierem at gallum*» («Всякое животное после совокупления печально, кроме женщины и петуха»).

При чем здесь петух? Петух – едва ли не единственное животное, которое, подобно человеку, способно подавлять свои естественные потребности и переводить сексуальную энергию в творческую, заменяя простой и незамысловатый секс самолюбованием и пением. Поэтому вместо того, чтобы перетоптать всех кур в курятнике, петух расхаживает по кругу, горделиво склонив голову набок и глубокомысленно изрекая свое высокоранговое «кукареку».

На свое счастье, куры – существа с едва ли ни низшим интеллектом среди представителей своего царства. Им просто не дано понять весь комизм ситуации и весь трагизм их женской участи.

Итак, почему поет петух? У него просто есть силы на пение благодаря неполной занятости на ставке осеменителя. Петух подобен человеку: распределяет свои ресурсы поровну между удовлетворением витальных потребностей, сексом и творчеством.

А почему же все остальные печальны? Дело в том, что слово «post», то есть «после», буквально означает временной период, то есть в отрезок времени «после» полового акта животные и люди печальны. Это связано даже не с биологией, а с физикой. Дело в том, что оргастическая разрядка, которую переживают самцы животных и мужчины, физиологически представляет собой скачок потенциала действия. Заряд снаружи и внутри клеточных мембран резко повышается, открываются каналы, по которым анионы и катионы меняются местами, и импульс идет по электрическим проводам нервов в головной мозг и обратно. В это время человек ощущает разрядку сексуального напряжения, пик сладострастия и максимально приятные эмоциональные переживания. Животных просто трясет от разрядки, ибо на эмоции высшего порядка они не способны, что известно из физиологии высшей нервной деятельности.

После оргазма наступает короткий период невосприимчивости клеточных мембран к новым импульсам вследствие истощения ресурсов: химические элементы должны вернуться на свои места, а заряд мембран – восстановиться для нового цикла.

Этот период невосприимчивости соответствует рефрактерному (восстановительному) периоду сексуального цикла и временному интервалу, обозначенному в пословице словом «post», то есть «после». Самцы животных и мужчины не могут сразу же, без перерыва, испытать возбуждение и войти в новый сексуальный цикл, и поэтому печальны.

Почему же, наконец, женщины не печальны, как и петухи? Все дело в том, что для сексуального функционирования женщины не требуется четко отлаженный сосудистый механизм, поднимающий длинный рычаг: эрекция полового члена. Для женщины достаточно небольшого возбуждения в скоплении кавернозных тел в области клитора, малых половых губах, влагалище, чтобы она была способна снова эффективно участвовать в половом акте. Поэтому у женщины не бывает такого периода восстановления, как у мужчины, не случается и печали после секса.

Современные же образованцы в этой поговорке часто толкуют «после» как «по причине». То есть всякое животное печально «из-за» секса: то ли оно испытывает чувство вины, то ли позора, может быть, глубокого разочарования... Но «по причине», «вследствие», «из-за» по-латински будет *propter* или *quia*. А путать «по причине» и «после», то есть «*post hoc ergo propter hoc*» – логическая ошибка, об этом еще сами латиняне писали. Так давайте же освободимся от логических ошибок и не будем приписывать радостям тела излишней грусти.

Итак, чем более сложно организованы животные, тем дальше они уходят от стадной модели в область моногамных отношений, создавая подобие семьи с партнерским участием родителей в поддержании быта, добыче ресурсов и выращивании потомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.